



Трудно быть рекордсменом

Поздно вечером посреди посёлка останавливается крытая брезентом автомашина, из неё выходят усталые, запylённые мужчины и, мигая светлячками папирос, расходятся по домам. Такая сейчас пора в деревне, чтобы этим мужчинам уходить из дома чуть свет и приходить, когда их дети ложатся спать, а жёны в который раз разогревают ужин. «Наконец-то!» — почти всегда одинаковым восклицанием встречают их на пороге дома.

И Людмила Ивановна тоже сказала: «Наконец-то!» Это можно было перевести и как укоризненное: «А пораньше нельзя?»

А пораньше было нельзя. Полшестого вечера управляющая отделением сказала звеньевому:

— Те двенадцать гектаров за лесом сегодня уже не докосите.

— Почему не докосим? — обиделся звеньевой.

Ну, вот и докашивали. А если бы не докосили, то завтра часов в одиннадцать пришлось бы перегонять комбайны с одного поля на другое. Перегон семи комбайнов среди бела дня — это будет дороговато. Теперь же на новое поле можно переброситься с утра, по росе.

Вячеславу Александровичу нетрудно объяснить жене всю эту «механику». Но дело в том, что и вчера, и позавчера, и всю жатву — те же причины, та же «механика». И это можно объяснить наполовину особенностью работы, наполовину — особенностью отношения к ней.

Пока отец снимал и складывал в коридорчике свою «полевую форму», третьеклассник Серёжка вполголоса, чтобы никто не осудил его любопытства, выпытывал:

— Ну, сколько у тебя сегодня?

Получив ответ, сказал:

— Вроде нормально, — и пошёл обратно в постель.

Хозяин дома извинился, что в поле не мог уделить корреспондентам много времени. Помогая сварщику разобраться в наклонной камере, он краем глаза видел, как «Нива» Виктора Бурлова уже встала на разгрузку. Это был как раз тот бункер, который звеньевому теперь надо было до вечера «отыгрывать» у своего молодого товарища.

На столе лежали свежие газеты, где имя хозяина дома было набрано жирным заголовочным шрифтом, пачки информационных бюллетеней совхозного соревнования, в которых с фамилии Тювина начинался список передовиков жатвы. Интересно, привык ли Вячеслав Александрович спокойно относиться к тому, что каждый рабочий день его фиксируется, каждый бункер его сосчитан, что за ним наблюдают тысячи людей в таких же пропылённых комбайнёрских куртках? Вопрос шире: трудно быть рекордсменом?

— Да, напряжение особое...

Пояснил: не столько физическое, сколько нервное. Когда идёшь за лидером, чувствуешь себя, конечно, уверенней, а когда сам в лидерах, не знаешь, насколько хватит твоих ближайших соперников. Поэтому выкладываешься, не хитря, не подлаживаясь под идущего рядом. Это напряжение — с первых дней жатвы. Даже раньше.

Он вспомнил, как ещё в июне пришёл к нему другой звеньевой — Александр Иванович Сергеичев. Он только что приехал с областного слёта комбайнёров и, не заходя домой, в двенадцатом часу ночи забежал к Тювину. «Знаешь, — говорит, — там люди такие обязательства брали, что нам нынче надо крепко держаться».

И, естественно, решили держаться крепче. Рекорд прошлого сезона, установленный борисоглебцем В. С. Березиным, — 800 тонн хлеба за жатву. По прошлому году Тювин знал, что этот рекорд если не побить, то повторить он может, и побил его, сделав уверенную заявку на тысячетонный сезонный намолот.

В поле мне удалось несколько часов простоять за спиной у Тювина, на комбайнёрском мостике. Отсюда видней, чем с земли, что намолачивать 800 с лишним тонн за сезон трудно. Наши мелкие поля — «горбушки» для такой громоздкой машины, как комбайн, — местность труднопроходимая. Редок метр, когда рука на штурвале может лежать спокойно, не боясь упустить или скривить ровный обрез загонки. У другой руки под командой целых десять рычажков, и она тоже не знает безработицы. И ноги всегда при деле.

«Привходящие обстоятельства»: жар от лобового стекла, в которое бьёт прямое солнце, колкая ость, забившаяся за воротник, тяжёлый гул мотора за спиной. А ещё бывают досадные остановки, и Бурлов на целый бункер уходит вперёд...

Вечером, после работы, я попросил Тювина рассказать, как с учётом всех обстоятельств намолачивать столько зерна, сколько удаётся ему.

Вячеслав Александрович предложил начать с машины. На нынешней жатве у его «Нивы» было всего четыре поломки. Потери времени из-за простоев у него в уме переведены на бункера ненамолоченного хлеба. В этом исчислении все четыре поломки обошлись примерно в десять бункеров. То есть простой столь незначительные, что их можно и не брать в расчёт.

Как работать без крупных неполадок? Тювин считает, что опытный, наблюдательный механизатор, хорошо знающий жизнь машины, способен почти все серьёзные поломки предвидеть заранее. Для примера можно взять верхний вал транспортёра наклонной камеры. Наблюдения показывают, что на третий-четвёртый год интенсивной работы он может дать трещину. (Теория объясняет: усталость металла.) За две жатвы его «Нива» выдержала примерно три сезонные нагрузки. Следовательно, готовя комбайн к будущей уборке, ему не следует особенно полагаться на работоспособность этого вала. Значит, поломка не будет неожиданностью. Значит, она уже не серьёзная поломка.

Вообще, ничто не случается вдруг. И утром, перед выездом в поле, не мешает осмотреть, простукать, прощупать всё, что способно ломаться хотя бы раз в пять лет.

Итак, машина готова к самым высоким намолотам. Есть где взять эти намолоты (совхоз имени В. И. Ленина, где работает В. А. Тювин, собрал на круг более 24 центнеров с гектара). Дело за тем, чтобы умело водить комбайн по полю. Это непросто, особенно при групповой работе комбайнов. Мне приходилось наблюдать, как из-за неправильного движения группы комбайнов на стыке каждых двух загонок оставались недокошенные «углы» хлеба, которые затем выбирались с четырёх-пяти «челночных» заездов, что для скоростной уборки очень расточительно.

— Мы называем их бубновками, — сказал Вячеслав Александрович и, перекрестив мой чертёж, на оборотной стороне листа нарисовал свой, где показал, как надо избегать «бубновок». Прокосы по обоим основаниям загонок — это прежде всего. Их можно условно назвать поворотными полосами. Причём прокосы надо делать с толком. Если лес у кромки поляпустишь по левую сторону, то чисто край не выберешь, и придётся тебе заезжать ещё раз. Так что прикидывай сразу, каким боком идти.

Ширину загонок тоже выбирай не на авось, а в зависимости от числа комбайнов в звене. И так, чтобы в начале гона не приходилось каждый раз давать задний ход. Чтобы автомашины быстрее подходили на загрузку, есть смысл длинные загонки предварительно несколько раз прокосить поперёк.

Далее Вячеслав Александрович набросал схему, в которой обосновывалась такая со стороны не видная деталь, как дистанция между двумя комбайнами. Я видел в работе укрупнённое тювинское звено — работало оно быстро и красиво. Я заметил, что комбайны двигались так, что какая-нибудь пара почти синхронно становилась на разгрузку (разгружались одновременно, в один кузов, обступая машину с двух сторон). Но трудно было предвидеть, что эта синхронность в большой степени запрограммирована.

— Вот ещё одна небольшая хитрость, — Тювин, увлечшись, набросал следующую схему. — Ты стоишь на разгрузке. А идущий следом комбайнёр, чтобы не стоять, обкашивает тебя. Это можно видеть очень часто. И что получается? Загонка искривлена. Чтобы выправить её, нужен специальный заезд. Из-за какого-то недожатого клочка надо триста-четыре метра гнать комбайн! Поэтому мы стараемся выбирать такую дистанцию, чтобы успеть разгрузиться до подхода следующего комбайна. Или — второй вариант — чтобы он сам в это время встал на разгрузку.

Листок с тювинскими схемами я привёз домой, чтобы при случае познакомить с ними агрономов. Честно говоря, наши специалисты почти не учат комбайнёров «двигаться по полю». Организация крупногрупповой работы комбайнов не имеет пока своей общедоступной теории

и специальной терминологии. Между тем опыт таких комбайнёров, как Тювин, показывает, что без знания этой теории нынешние рекорды не станут завтрашней нормой.

Пока же этой теории не учат, каждый постигает её самостоятельно. И успех приходит к тому, кто, кроме сильных и проворных рук, имеет хорошую, работающую голову. Это — к вопросу о том, трудно ли быть рекордсменом.

Я не хотел бы хоть на малое расстояние отдалять Вячеслава Александровича Тювина от его товарищей. В совхозе имени В. И. Ленина вообще нет слабых комбайнёров. Хозяйство из года в год одним из первых в области убирает свой хлеб и помогает не одному соседу — это что-то да говорит о комбайнёрских кадрах совхоза. Сезонный намолот в 500 и более тонн зерна — в порядке вещей и для механизаторов-ветеранов А. И. Сергеичева, М. Е. Иванова, А. И. Волкова, и для молодого Виктора Бурлова. То, что в словах и деле звеньёвого приобрело стройность системы, есть обобщение коллективного рабочего опыта и совместного умственного труда. Дело, думается, обстоит именно так.

Мы заговорились с Вячеславом Александровичем до полуночи. Предмет разговора был интересен хозяину дома, и он, может быть, не прочь был потратить на это ночь. Но вставать ему завтра рано. Куртку на плечи, кожаную «фирменную» кепку на голову — и опять в поле. Правда, формально говоря, полагалось бы день-другой и отдохнуть: свой хлеб совхоз уже убрал, и Тювин с товарищами работает в соседнем совхозе «Бектышево». Но хлеб есть хлеб. На чьём бы поле ни вырос, всегда — свой. Это тоже к вопросу о том, как становятся рекордсменами.

А. Костюков.
(Наш специальный корреспондент.)
Переславский район.